

Александр Васин

Феномен Лютикова

Роман

Васин Александр Юрьевич
Феномен Лютикова: роман.

Что предпочтительнее? Феноменальные способности или спокойное сытое существование? Выгодная халтура или истинное служение искусству? Вожделение или любовь? Смерть под ножом хирурга или жизнь, но в совершенно ином, непривычном для тебя качестве?..

Герой романа – молодой художник, мечтающий об известности, но вместо этого вынужденный заниматься рекламой канцелярских товаров. Неожиданно в его жизни всё меняется самым удивительным образом. Сначала он обнаруживает в себе способность читать чужие мысли, а затем – проникать в тела других людей, становиться на какое-то время частью их сущности. На первых порах этот неизвестно откуда взявшийся дар увлекает героя, но очень скоро он понимает, какая страшная обуза свалилась на его плечи...

*...он не ожидал того, что случилось.
Это возникло внезапно, словно в нем
открылись другие, нечеловеческие уже
слух и зрение, или «шестое» чувство,
и он просто увидел, что рядом с нашей
реальностью проявилась другая,
а он ее «видит» и «слышит».*

Ю. Мамлеев. «Дорога в бездну».

Часть 1

Переступить черту

1

На окно моей конторы вспорхнул голубь - крупный, белогрудый, серого оперения, с черными вкраплениями на крыльях и хвосте. Некоторое время он важно расхаживал по подоконнику, самодовольно курлыкая и переваливаясь из стороны в сторону.

Но вот его как будто что-то встревожило. Голубь застыл на месте и вдруг, быстро повернувшись к окну, уставился прямо на меня перламутровыми пуговицами глаз, словно уличая в излишнем любопытстве. Это беззастенчивое разглядывание в упор продолжалось довольно долго - минуту или две, так что мне даже стало немного не по себе. Хотя взгляд птицы не выражал ровным счетом ничего, я - уж не знаю почему - вообразил, что голубь взирает на меня с нескрываемым изумлением, почти с презрением. Так дети в палеонтологическом музее рассматривают макет какого-нибудь тираннозавра или мастодонта. Чем-то подобным я, наверно, представлялся сейчас и этой птахе - до нелепого большой и неуклюжий, совершенно лишенный оперения, без крыльев, без хвоста - одним словом, урод.

Сообразив, что приписываю голубю свои собственные мысли, я невольно усмехнулся. Тоже мне, Вольф Мессинг нашелся! И взбредет же такое в голову!.. Ну, чего уставился, дурачина? Кыш отсюда! Лети!

Я легонько постучал по стеклу, заставив моего пернатого визави перепорхнуть на крышу соседнего здания. Все, полюбовались на птичек, довольно! Вернемся к нашим баранам.

Передо мной на столе лежал очередной девственно чистый лист бумаги. Напротив, поверх стопки альбомов, красовался предмет, который мне предстояло на нем запечатлеть - огромный горчичного цвета дырокол, напоминающий неестественных размеров вставную челюсть. К серийному производству этого не слишком привлекательного на вид изделия наш завод приступил на прошлой неделе, и мне, как штатному художнику, необходимо было придумать для него подходящую рекламу.

Работа почему-то не клеилась. Сначала я изобразил дырокол пробивающим лист с изображением заводской эмблемы. Но это выглядело слишком уж тривиально. Тогда, немного подумав, я решил прибегнуть к способу пооригинальней, а именно - придать изделию сходство с каким-нибудь животным (благо, его внешний вид как нельзя более располагал к этому). Я пририсовал дыроколу два круглых выпуклых глаза, наградил рядами острых зубов, и у меня получилась крокодилья морда. Однако это была не та грустно-умильная морда крокодила Гены из одноименного мультфильма, которого любят поголовно все дети за умение в любую - даже дождливую - погоду классно наяривать на гармошке, а нечто совершенно противоположное - злое, уродливое и кровожадное. Нет, такая реклама будет не привлекать, а скорей отпугивать покупателя.

Прикинув так и эдак, я переделал крокодила в медведя, но и медведь на моем рисунке тоже получился какой-то уж больно агрессивный. Минут двадцать, если не больше, я промучился над тем, чтобы сделать его хоть немного добрее, а когда мне это вроде бы удалось, к немалой своей досаде обнаружил, что теперь мой медведь утратил даже отдаленное сходство с дыроколом. Нет, все! К черту! На сегодня хватит!

Широким движением я сгреб все испорченные листы в корзину из-под мусора и не без труда выбрался из-за стола - размять онемевшие от долгого сидения члены.

К сожалению, размеры отведенного мне жизненного пространства, с одной стороны ограниченного кульманами, а с другой - тремя поставленными буквой «Г» столами, не располагали для длительных прогулок. Уже через минуту поймав себя на мысли, что для того чтобы не задеть ничего на своем пути, волей-неволей вынужден повторять движения танцующего брейк, я снова уселся на стул и от нечего делать еще раз обежал глазами мою мини-студию, как мысленно окрестил этот отведенный мне Маляновым угол отдела.

Еще совсем недавно, ничейный, донельзя захламленный старыми чертежами и поломанной мебелью, он являл собой довольно неприглядное зрелище. Однако на мои настойчивые просьбы отдать его в полное мое распоряжение шеф поначалу отвечал уклончиво. Пугало его то, что наши женщины давно уже устроили для себя в этом углу что-то вроде гримерной, куда по десять раз на дню забегали подкраситься и поправить интимные части своего туалета, а идти против женщин - это сами понимаете...

И все-таки шефу пришлось-таки поступить наперекор их желаниям. Кто-то (ей-богу, не я) пустил по заводу слухок, что со дня на день у нас ожидается какая-то санитарная комиссия с проверкой, и это решило исход дела в мою пользу. Помню, в тот день Малянов вызвал меня к себе и поставил условие: облюбованный мной угол уже сегодня может стать моим, если я своими силами и в как можно более короткий срок берусь привести его в божеский вид. Ни на что другое я, собственно, и не рассчитывал, поэтому с радостью принял это предложение.

Ох, и намучился я тогда, в одиночку перетаскивая в подвал весь этот хлам, пролежавший здесь, наверно, не один год, да еще ловя на себе осуждающие взгляды женской половины отдела. Зато как же я потом злорадствовал, когда выяснилось, что слух о прибытии на завод санитарной комиссии оказался-таки ложным. А как был возмущен Малянов - об этом лучше не вспоминать.

Впрочем, все это давно позади. Теперь я прочно обосновался на новом месте и съезжать отсюда пока не собираюсь. Для пущей внушительности я придал своему углу сходство с мастерской художника, о которой когда-то мечтал, сразу вызвав этим интерес у всех сотрудников отдела. На стенах я развесил некоторые из своих наиболее удачных институтских работ (в основном натюрморты), по соседству - репродукции великих, вырезанные из журналов «Искусство» и «Огонек» - Босха, Ван Гога, Модильяни, Сальвадора Дали. На столах и под столами в строгом

порядке расположил коробки с красками, наборы карандашей, плакатных перьев, пузырьки с тушью, стопки ватманских листов, доски для будущих планшетов и т.д. и т.п. - все это с таким расчетом, чтобы каждый входящий сюда сразу видел, что имеет дело с настоящим художником.

Эти последние, кстати, не заставили себя долго ждать. Только в первую неделю после моего переселения у меня под разными предлогами успели перебывать почти все мои сослуживцы. В первую очередь это, конечно, были женщины, которые продолжали забегать сюда просто по привычке, всякий раз мило конфузясь от своей ошибки, и, чтоб как-то скрыть конфуз, тут же заводили со мной какой-нибудь отвлеченный разговор об искусстве. Иногда захаживали сюда и мужчины. Эти по большей части молчали, оглядывая исподлобья мои владения, и лишь изредка позволяли себе какие-нибудь замечания - как правило, совершенно идиотские - по поводу той или иной картины.

Больше чем уверен, что все они - и женщины, и мужчины - видели во мне человека не от мира сего, чудака, поглощенного исключительно своим творчеством (если, конечно, можно было назвать творчеством то, чем я сейчас занимался) и никого и ничего вокруг себя не замечающего. Я как мог старался поддерживать их в этом мнении, прекрасно при этом понимая, что мало похож на созданный ими образ, что это лишь роль, очередная роль, которую мне приходится играть вот уже почти год, с того самого дня, как начал здесь работать. Не знаю, насколько хорошо удавалась мне эта роль, но то, что, во-первых, она почти всегда помогала мне найти верный тон в общении с коллегами, а во-вторых, избавляла от необходимости общаться с людьми, мне совершенно не интересными, уже явно говорило в ее пользу.

Впрочем, будучи по натуре человеком малообщительным, всему этому я предпочитал просто одиночество. Собственно, этим и было вызвано мое несколько опрометчивое решение с прежнего моего места, где, как мне казалось, я был у всех на виду, перебраться в самый дальний угол отдела, подальше от любопытных глаз.

Но этой моей розовой мечте так и не суждено было претвориться в действительность. И виной тому были не только сослуживцы, вдруг ни с того ни с сего проявившие такой живейший интерес к моей особе.

Примерно с месяц тому назад в мою мини-студию в сопровождении Малянова явился некий молодой человек. Выглядел он довольно презабавно: длинный как жердь, с непропорционально маленькой головой на худой страусиной шее, казавшейся еще меньше из-за модной короткой стрижки и огромных локаторообразных ушей, и с такими же непомерно длинными руками и ногами. Узкие, слегка косящие глазки вновьприбывшего смотрели пытливо и настороженно, но на губах играла наглая самоуверенная ухмылка. Звали молодого человека Федя Скворцов, и шеф представил его как моего будущего помощника, который мне, оказывается, уже давно требуется. Для меня это, понятное дело, было полнейшей неожиданностью, поскольку ни о каком помощнике я никогда даже не заикался Малянову - ну, может, за исключением единственного случая, когда шеф поручил мне в трехдневный срок оформить восемь стендов для выставки. Тогда я, помнится, позволил себе некоторые высказывания - и далеко не в мирном тоне - по поводу объема работы и отведенного для этого времени, но все это, как я полагал до настоящего момента, уже давно забыто и былем поросло. Малянов, как выяснилось, придерживался на сей счет иной точки зрения, о чем мне тут же и намекнул, предупредив таким образом все мои дальнейшие возражения, после чего с победным видом подвел черту, а мне оставалось лишь разводиться руками. Так в моих и без того не слишком вместительных апартаментах появился еще один жилец, после чего шеф, по-видимому, мог считать себя полностью отомщенным за когда-то допущенный промах.

Позже я узнал, что Федя, оказывается, был сыном одной давней приятельницы Малянова, его школьной любви, тоже, кстати, работающей на нашем заводе. Десятилетку он окончил кое-как, в вуз, естественно, не поступил, а так как с детства не привык обременять себя физическим трудом, уговорил свою сердобольную мамашу устроить его в место почище. Та, не долго думая, тут же побежала за советом к бывшему своему однокласснику - ныне начальнику большого отдела. Малянов, по старой дружбе, не мог, конечно, отказать ей в нижайшей просьбе и, «откопав» где-то еще одну штатную единицу, устроил сыночка в свой отдел каким-то там младшим техслужащим (читай помощником художника), устроил, правда, на птичьих правах, пока тому не придет срок отправляться в армию.

Надо заметить, это последнее обстоятельство меня особенно радовало, так как с Федей Скворцовым мы не поладили чуть ли не с первого дня знакомства. Дело было даже не в том, что мой новый подопечный, как очень скоро выяснилось, не испытывал ни малейшей тяги к рисованию и всех его способностей хватало только на то, чтобы иногда стружить мне карандаши да с горем пополам натягивать лист ватмана на планшет. С этим еще как-то можно было мириться. Много больше неприятностей мне доставляло полнейшее несоответствие наших с Федей взглядов на жизнь, чьи интересы сводились, как правило, лишь к модным «шмоткам» и тупым молодежным комедиям типа «Американского пирога» и «Муравьев в штанах». Помнится, поначалу я еще как-то пытался влиять на своего помощника, но все мои попытки неизменно натыкались на стену непонимания и какого-то высокомерного презрения с его стороны. Тогда я махнул на него рукой, раз и навсегда сделав вывод, что учитель из меня никудышный. Федя тоже, видимо, сделал кой-какие выводы из наших душеспасительных бесед. В общем, как и следовало ожидать, все кончилось тем, что мы с ним стали потихоньку ненавидеть друг друга, сохраняя, впрочем, видимость добрососедских отношений.

К счастью, последнее время Федя взял себе за правило под разными благовидными предлогами надолго исчезать из отдела. Чем он на самом деле занимался, одному Богу известно. Меня это как-то мало волновало. Главное - теперь он не так часто маячил у меня перед глазами.

Вот и сегодня с утра мой помощник снова куда-то исчез (лечить зубы, как он объяснил перед уходом), оставив меня в гордом одиночестве корпеть над заказанной накануне рекламной брошюрой...

Я посмотрел на часы. До вожделенного перерыва оставалось еще целых двадцать минут. О, как долго тянется время! Если б хоть можно было, пользуясь прикрытием кульманов, закурить, но об этом даже не мечтай: у женщин нашего отдела очень острый нюх. И кульманы не помогут. Двух затяжек не успеешь сделать, как тут же услышишь чей-нибудь возмущенный возглас за три стола от себя: «Эй, кто это там курит в отделе? Дышать невозможно! Неужели до перерыва нельзя потерпеть!» Ну почему же нельзя? Можно, конечно. Что я, собственно, и делаю.

Вновь устремляю тоскующий взгляд к окну, стараясь разглядеть на крыше соседнего здания давешнего голубя. Но его давно и след простыл. Везет ему, бедолаге! Летаёт, где хочет, никто ему не указ. А тут сиди как проклятый за этим столом, считай минуты до перерыва. Ску-учно!

Я откинулся на спинку стула, потянувшись до ломоты в костях. Как вдруг - СО МНОЙ ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО. Я даже не сразу понял, ЧТО именно. Сначала в моей голове возник какой-то странный шелестящий звук, слегка напоминающий тот, что бывает при появлении помех на экране телевизора. Потом внутри меня что-то громко щелкнуло, и я стал стремительно проваливаться куда-то. Ощущение полета было настолько реальным, что в первую минуту у меня даже зарябило в глазах.

Но вот все прекратилось так же внезапно, как началось. Осталось только легкое головокружение и... еще что-то, чему я не мог пока дать ясного определения. Какое-то необычное волнующее состояние, словно ты смотришь на все сквозь стекла небывалой мощности, рассчитанные на людей с очень слабым зрением. Предметы вокруг приобрели более четкие очертания, стали ярче, выпуклей, и моя мини-студия воспринималась теперь словно в другом ракурсе. Однако самым странным было то, что сейчас творилось внутри меня. В моей голове - я ясно это чувствовал - копошились (да, именно копошились, то приближаясь, то отступая на задний план) КАКИЕ-ТО СОВЕРШЕННО ПОСТОРОННИЕ ЗВУКИ. В том, что эти ЗВУКИ были посторонними, то есть пришедшими откуда-то извне, у меня не возникло ни малейшего сомнения. Я знал это так же точно, как то, что меня зовут Сергей Лютиков. Но вот что это были за звуки, откуда они пришли и почему - на эти вопросы я пока не мог ответить. Попытался определить, на что они, собственно, похожи - и тоже безрезультатно. На потрескивание разрядов, когда крутишь ручку настройки в радиоприемнике? Вроде бы, нет. На скрип, который получается при елозении тряпки по стеклу? Не совсем. А может, это человеческие голоса, но звучащие как-то тихо и невнятно, словно через невидимую преграду?..

Я так и не успел додумать эту мысль до конца, потому что в следующую минуту кто-то случайно (или нарочно) толкнул стул, на котором я полулежал - в голове моей при этом опять что-то громко шелкнуло, словно отключаясь, - и я, недовольно подняв глаза, увидел над собой ухмыляющуюся физиономию Федьки Скворцова.

- Извини, начальник, не хотел.

Вихляющей походкой он проследовал к своему любимому месту в углу студии, уселся там, закинув ногу на ногу, продолжая так же идиотски ухмыляться. У меня чесались руки бросить в него чем-нибудь тяжелым. И дернул же его черт явиться так не вовремя!

- Сколько раз я тебе говорил, не называй меня начальником! - я постарался вложить в свой голос всю накопившуюся против Федьки злость.

- Да ладно тебе, не обижайся...

С самого начала мы с ним договорились, что, несмотря на разницу в возрасте, будем обращаться друг к другу только на «ты» и только по имени. Терпеть не могу всякой «официальщины», да и не настолько я был старше, чтобы требовать от Федьки называть себя по отчеству и выкаты. Однако мой помощник - из чувства протеста, не иначе - нашел-таки способ хоть иногда в разговоре со мной подчеркнуть разность в нашем положении, к месту и не к месту вклинивая в него свое уничижительное «начальник».

Я выдержал паузу, чтобы взять себя в руки.

- Ну как, вылечил зубы?

- Не-а. Там очередь, да и не болит уже, - та же наглая ухмылка и не тени смущения.

- Слушай, а ты случаем не врешь?

- Да что ты! Меня утром так прихватило - думал, до работы не дойду!

- Ладно, будем считать, что я тебе поверил.

- Да не, я правда... - идиотская улыбка, наконец, сползает с его физиономии, уступая место растерянности.

Но я неумолим:

- Сказано тебе - ладно. Не оправдывайся.

Я отворачиваюсь от него с победным видом. Я ликую в душе.

Но тут происходит нечто из ряда вон выходящее. Я слышу, как голос Федьки за моей спиной довольно явственно произносит:

- Вот, блин, зануда! Тоже мне, начальничек выискался! Видали мы таких! Всего лет на пять старше, а туда же, строит из себя!

Я глаза вытаращил от неожиданности. Вот это да! Никогда еще Федька не позволял себе вслух подобных высказываний. Неужели наши отношения уже достигли той критической точки, когда долго скрываемая враждебность начинает вдруг сама собой выплескиваться наружу?

Однако, как бы там ни было, я должен ответить на брошенную перчатку. Медленно - очень медленно (главное в нашем деле - не суетиться) - я поворачиваюсь к Федьке.

- Ты что-то сказал? - в голосе моем еще нет угрозы - только как бы легкое недоумение. Но внутренне я уже готов к бою.

Поведение Федьки меня несколько озадачивает. Он сидит как ни в чем не бывало и, глядя куда-то в потолок, самозабвенно ковыряет пальцем в носу. Ну и выдержка у парня! Может, просто подойти и сунуть ему пару раз? Да нет, как-то несолидно. Скажут потом: мол, связался с младенцем. И вообще, не мой это метод.

- Эй, ты слышишь? Я к тебе обращаюсь, - голос мой по-прежнему звучит спокойно, хотя внутри меня все так и кипит.

- А? Что? - Федька прервал на минуту свое занятие, уставившись на меня недоуменным взглядом. Кажется, он действительно не расслышал моего вопроса.

- По-моему, ты сейчас что-то сказал.

- Я? Ничего я не говорил.

- Да как же не говорил, когда я только что...

Я осекся на полуслове, озаренный внезапной догадкой. Нет, не настолько еще мой напарник обнаглел, чтобы высказывать в лицо все, что он обо мне думает. Он действительно ничего не говорил. Он просто это ПОДУМАЛ. Он ПОДУМАЛ, а я УСЛЫШАЛ то, что он ПОДУМАЛ. Я осознал это в полной мере, потому что вдруг разом вспомнил все предшествующие этому ощущения. Вспомнил, как снова что-то щелкнуло в моей голове, потом мне показалось, что я опять куда-то проваливаюсь, и только после этого я услышал... нет, не услышал, а скорее почувствовал... Даже не знаю, как лучше сказать. Все произошло настолько быстро, что я не успел сообразить, что к чему.

Так вот, значит, чем объясняется мое странное состояние. Я УМЕЮ ЧИТАТЬ МЫСЛИ. Невероятно, как говорится, но факт. Однако же, откуда возник во мне этот дар? Отчего он, в конце концов, возник? Ведь никогда раньше я не замечал за собой подобного...

Кто-то опять с силой толкнул мой стул. Я чертыхнулся про себя. Конечно, это снова был Федька, на этот раз протискивающийся к выходу.

- Перерыв, начальник. Ты что, не слышишь?

- Я ведь уже говорил тебе, кажется, - не называй меня начальником!

Но сутулая, с далеко выпирающими лопатками спина моего подопечного уже скрылась за кульманом.

Шум и толкотня заводской столовой подействовали на меня отрезвляюще. Проглотив без аппетита заказанную порцию (котлеты в этот раз оказались особенно жесткими, гречневая каша напоминала студень, кофе был холодным и

пересахаренным), я вышел на улицу настроенный крайне скептически. А случилось ли на самом деле то, что случилось? Может, это была просто галлюцинация, игра воображения, а я уже возомнил невесть что?

Я свернул на тихую аллею недалеко от нашей конторы и уселся на скамейке. Убедившись, что поблизости никого нет, снова попытался войти в то необычное состояние, однако у меня ничего не вышло. Напрасно я жмурился, откидываясь на спинку скамейки, и делал глубокие вдохи - перед глазами все время плясали какие-то синие, зеленые и красные круги, но в голове уже больше не щелкало, и ощущение полета не возвращалось. Кончилось все тем, что проходящие неподалеку девушки, заметив, видно, мои странные действия, громко захихикали за моей спиной, вернув меня с небес на землю.

Я нервно закурил. Черт! А может, действительно все это мне только пригрезилось? Нашло какое-то затмение - и все. Нет, правда, ведь бывает же такое!

Я постарался прокрутить в памяти всю мою прошлую жизнь с твердым намерением установить, не случилось ли со мной чего-нибудь подобного и раньше. Единственное, что мне вспомнилось, это когда я года три тому назад на несколько секунд потерял сознание. Произошло это в больнице, прямо у окошка регистратуры, когда я стоял в очереди за номерком к своему участковому врачу. Помню, в глазах у меня вдруг потемнело, а через мгновение я почувствовал щекой холодный кафель пола и, неловко приподнявшись на руках, с удивлением увидел над собой участливо склонившиеся лица людей из очереди. Тут же откуда ни возьмись прибежала медсестра и, сунув мне под нос флакон с нашатырным спиртом, быстро привела в чувство. Но этот мой обморок был просто следствием высокой температуры - словом, ничего сверхъестественного.

А может быть, я переработался? Может, это у меня какой-нибудь нервный срыв? Хотя нельзя сказать, что последнее время я слишком уж часто нервничал. Наверно, просто заело однообразие. Ну, еще бы - каждый день одно и то же, те же лица, те же разговоры. Тут и не захочешь - свихнешься. Нет, так дальше нельзя! Надо дать отдых своей голове, съездить куда-нибудь, развеяться. Хотя бы на сутки.

И вдруг меня осенило. А не смотаться ли мне завтра на денек в Серебрянск? Тем более, для этого есть прекрасный повод: в Серебрянске имеется чуть ли не единственный на всю область магазин «Художник», в котором я не был уже почти год. Заодно и институтского приятеля Ромку навещу - он давно меня к себе зазывает. Конечно, можно было бы перенести это мероприятие на субботу, но, во-первых, до субботы еще целых два дня, а во-вторых, почему я должен тратить свое личное время, когда без всякого урона для себя могу воспользоваться одним из имеющихся у меня неиспользованных отгулов. Только бы Малянов не заартачился...

Воодушевленный этой новой мыслью, пришедшейся как нельзя кстати, я в приподнятом настроении поспешил обратно в отдел. О своих странных галлюцинациях - так я решил их пока называть для пущей безопасности - старался больше не думать.

Малянова на месте не оказалось. Возле кабинета шефа я застал только его секретаршу Наденьку Ветрову. О ней нужно сказать особо, уже хотя бы потому, что все в нашей конторе - в том числе и я - находят Наденьку весьма привлекательной особой. Ее большие, немного выпуклые глаза цвета аквамарин, чуть вздернутый носик, пухлые губки бабочкой, густые пшеничные волосы, лежащие на плечах аккуратными локонами, делают ее похожей на куклу из игрушечного отдела. Единственный, пожалуй, изъян ее миловидного личика - слишком крупный и слегка выдающийся вперед подбородок, но к этому быстро привыкаешь.

Думаю, Наденькиных чар не избежал ни один мужчина в нашей конторе. И важный, вечно всем недовольный Малянов - тоже. А как по-другому можно объяснить тот факт, что, после ухода на пенсию его прежней секретарши, именно Наденьке - хотя, говорят, нашлись и другие претендентки - было предложено это место в дополнение к уже имевшейся у нее ставке инженера. И это притом, что она не слишком хорошо владела компьютером и вообще считалась человеком довольно рассеянным.

У меня с Ветровой сложились довольно интересные отношения. Поначалу между нами было только шапочное знакомство, но после какого-то праздника - кажется, 8 марта, - который мы, как обычно, отмечали всем отделом, Наденька перестала быть для меня просто коллегой по работе.

В тот вечер, помнится, я хватил лишнего, осмелел, несколько раз кряду приглашал ее на танец, а в конце застолья отважился проводить до дома. Наденька зазвала меня к себе попить чаю и за столом, разоткровенничавшись, поведала трогательную историю своей жизни.

Оказывается, Ветровой она была по мужу, который два года тому назад погиб в автомобильной катастрофе, оставив безутешную супругу с годовалым ребенком на руках. В настоящее время ребенку - Вадик - уже три года и находится он у бабушки, Наденькиной мамы, которая недавно - очень кстати - вышла на пенсию и, так как жила совершенно одна (с мужем она рассталась еще в молодости по причине несходства характеров, а вторично замуж так и не вышла), вознамерилась полностью посвятить себя воспитанию внука, чему Наденька сначала как бы обрадовалась, а теперь ужасно жалеет, потому что без Вадьки все-таки скучно.

В конце своего рассказа молодая вдова крайне расчувствовалась и даже немного всплакнула - так, самую малость, чтобы тушь не потекла. Я, конечно, попытался ее утешить и, наверно, проявил при этом слишком много старания, поскольку Наденька в ответ на мои утешения вдруг ничтоже сумняшеся обвила руками мою шею и запечатлела на губах довольно продолжительный поцелуй, от которого у меня, понятное дело, зарябило в глазах и голова пошла кругом. Легко догадаться, что после такого недвусмысленного проявления чувств с ее стороны я полностью потерял контроль и дальше действовал, полагаясь исключительно на свою интуицию...

Все это, как и следовало ожидать, закончилось в постели. Так мы с Наденькой стали любовниками или, выражаясь современным языком, закрутили роман. По правде говоря, мне было совершенно все равно, как это называть. Тем более что возникшие между нами отношения, особенно на первых порах, развивались строго по правилам любовной игры, как это описано у Бальзака или у той же Даниэлы Стилл. Встречались мы не чаще одного-двух раз в неделю, обычно на квартире у Наденьки, так как я в то время еще жил у родителей. Свою связь держали в строгом секрете от окружающих, причем поступали так не столько из-за боязни стать предметом всевозможных сплетен и кривотолков (в конце концов, оба мы были людьми, что называется, «свободными»), сколько просто из желания соответствовать этим самым правилам. Я уже не говорю о том, что и ей, и мне доставляло немалое удовольствие играть в конспирацию - это, как мы считали тогда, придавало особый шик нашим отношениям.

Впрочем, последнее время все стало меняться в худшую сторону. Дело в том, что теперь Наденька на каждом нашем свидании взяла за правило заводить разговор на тему: «Как нам дальше жить». Я ужасно раздражался, поскольку прекрасно понимал, что за этим стоит: моей подруге приспичило вторично выскочить замуж, и в моем лице она видела подходящего кандидата для будущей совместной жизни. Я же пока не торопился надеть на себя брачные вериги.